

Пределы российской мягкой силы в Грузии

Аналитическая записка № 412

ПОНАРС Евразия

Январь 2016 года

Андрей Макарычев
Университет Тарту (Эстония)

Российская мягкая сила в Грузии стала обязательным компонентом дискуссий о двухсторонних отношениях между этими странами. Западные комментарии полны мнениями о грядущей эрозии про-западного консенсуса в Грузии под воздействием усилий проевразийских организаций, Грузинской православной церкви (ГПЦ) и сторонников сближения с Россией в политической элите Грузии. Влияние России, согласно этому взгляду, растет параллельно бездействию Запада; некоторые аналитики полагают, что Запад будет не в состоянии существенно помочь Грузии в случае нового конфликта с Россией. Но при этом в самой Грузии существует большой скептицизм в отношении привлекательности России как альтернативе европейским и евроатлантическим институтам. В своем анализе я согласен с ограниченными возможностями мягкой силы России в Грузии, которая базируется на сходстве консервативных и религиозных дискурсов в обеих странах, а также на прагматизме определенной части грузинской политической элиты.

Логика российской мягкой силы в Грузии

Российская политика в отношении Грузии базируется на нескольких основаниях. В целом, Москва претендует на особую роль в соседних странах, особенно в тех, где существуют проблемы внутреннего сепаратизма. Эти претензии следуют не только из статуса России как преемницы Советского Союза, но и из миротворческой роли, которую Россия играла в Кавказском регионе с начала 1990х годов, когда ни одна из международных организаций не была готова сыграть подобную роль в военном отношении. В 1997 году Евгений Примаков выступил посредником между тогдашним президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе и главой Абхазии Владиславом Ардзинбой, который согласился на развитие в рамках единого грузинского государства. Согласно Примакову, соглашение было сорвано из-за неуступчивой позиции официального Тбилиси, который настаивал на унитарной Грузии, что было неприемлемо для Абхазии. Помимо того, до 2008 года

Россия – по крайней мере, формально - сохраняла санкции в отношении Абхазии. Кремль также сыграл важную роль в отстранении от власти главы Аджарии Аслана Абашидзе после его конфликта с Михаилом Саакашвили.

Политика РФ включает в себя и другие аргументы. Геополитические реалисты рассматривают Москву в качестве классического гегемона, мотивированного стремлением сохранить контроль над нестабильным Кавказом. Сторонники более нормативного подхода (например, депутат Госдумы Леонид Калашников) полагают, что у России нет существенных материальных интересов в Абхазии и Южной Осетии, которых она поддерживает преимущественно из соображений справедливости.

Реалистический и нормативный подходы объединяет отношение к Соглашению об Ассоциации, подписанному Грузией с ЕС, как к очередному шагу, маргинализирующему Россию в большой Европе. Действительно, Грузия – равно как Молдова и Украина – добились в своих отношениях с Брюсселем гораздо большего, чем Россия. Сама возможность того, что Грузия получает шанс для ускорения своего продвижения по пути европеизации, является раздражителем для российской дипломатии.

С точки зрения реализации потенциала мягкой силы следует отметить, что Россия не смогла превратить ни один из имеющихся в ее распоряжении аргументов (о миротворческой роли в урегулировании конфликтов и об отсутствии материальной заинтересованности) в последовательный нарратив, привлекательный для Грузии. Сильный акцент на несамостоятельности Грузии и влиянии на нее западных стран воспринимается в самой Грузии весьма критически и не добавляет очков России. С практической точки зрения, признание независимости Абхазии и Южной Осетии привело к ослаблению влияния Москвы на Тбилиси.

Политические ресурсы России

Как Россия осуществляет свое влияние на Грузию, и насколько эффективна эта политика?

Абхазия и Южная Осетия

Ситуация, связанная с этими сепаратистскими территориями, выглядит очень противоречиво. С одной стороны, Москва отказывается признать себя стороной конфликта, и считает, что Тбилиси должен решать имеющиеся проблемы непосредственно с Цхинвали и Сухуми. С другой стороны, Москва хочет сохранить полный контроль над всеми аспектами коммуникации между Грузией и отделившимися территориями, подталкивая Тбилиси к непосредственному диалогу с Кремлем (а не с Вашингтоном или Брюсселем).

Российская сторона, несмотря на признание Абхазии и Южной Осетии, не отрицает гипотетической возможности разрешения проблемы территориальной целостности Грузии. Георгий Карасин, заместитель министра иностранных дел РФ, в одном из недавних интервью упомянул, что для Грузии важно убедить Абхазию и Южную Осетию в том, что

жить в составе конфедеративного грузинского государства выгоднее, чем существовать самостоятельно. Похожие заявления делал и сам президент В. Путин. Однако они вряд ли работают на политическую капитализацию позиций России в Грузии, поскольку, хотя политическая цена российских предложений – членство Грузии в Евразийском Экономическом Союзе – может быть слишком высокой, чтобы рассматривать этот вариант всерьез.

Две братские церкви

Религиозная дипломатия активно используется в качестве важного компонента российского внешнеполитического инструментария. В отличие от Кремля, РПЦ – по крайней мере, на словах – отдает приоритет отношениям с Грузией по сравнению с отношениями с Абхазией и Южной Осетией. Русская православная церковь (РПЦ) поддерживает целостность канонической территории ГПЦ как из желания сохранить на нее влияние, так и из стремления заручиться ответной поддержкой ГПЦ в противоречивых вопросах, касающихся православия в Украине и церковного имущества в Эстонии.

В идеологическом плане РПЦ транслирует консервативную повестку дня, которая содержит сильный геополитический подтекст, состоящий в попытке удержать Грузию от более тесных связей с Западом. Интервью, проведенные в Тбилиси, показывают, что в грузинском политическом сообществе распространена мысль о том, что Москва сознательно манипулирует православием в (гео)политических целях.

Однако эта политика РФ осложняется тем обстоятельством, что ГПЦ является сложным и в значительной мере самостоятельным институтом с массой внутренних противоречий. Грузинские православные могут как поддерживать ассоциацию с ЕС, так и выражать просталинские симпатии. Грузинский патриарх Илия Второй критически настроен в отношении политики России в Абхазии и Южной Осетии, но в то же время встречался с байкерами из «Ночных волков», известных своими тесными связями с Кремлем.

Ключевой вопрос при этом состоит в том, являются ли пророссийские симпатии ГПЦ результатом мягкой силы Москвы, или частичным совпадением идеологических позиций двух православных церквей. Грузинские священники часто ссылаются на своих духовных учителей из России и копируют религиозные процедуры РПЦ; патриарх Илия Второй охарактеризовал В. Путина как мудрого правителя, делающего все для примирения России и Грузии. Однако существует очень мало свидетельств того, что РПЦ прямо влияет на ГПЦ и проводит последовательную политику в отношении Грузии.

Более того, руководство ГПЦ неоднократно предпринимало попытки дистанцироваться от РПЦ через заявления, позиционирующие Грузию в рамках западной системы ценностей. Представителей РПЦ не было на церемонии празднования 30-летия интронизации Илии Второго. Некоторые грузинские священники в интервью говорили о фактической поддержке со стороны РПЦ анти-иммиграционной кампании, затронувшей грузинскую диаспору в России. ГПЦ не поддержала политику Кремля в отношении Украины. В 2015 г. митрополит Николай заявил, что «произошедшее в Украине случилось в нас в 1993 году,

когда в Абхазии священник, который никогда не брал в руки оружия, был убит только за то, что представлял ГПЦ».

Хотя РПЦ признала единство канонической территории Грузии, внутри ГПЦ существует скептицизм в отношении этой позиции. В 2013 г. ГПЦ обвинила РПЦ в освящении православных храмов на территории Абхазии. В 2015 г. Грузинский епископ Андриан Гвазава обратился к ЮНЕСКО с просьбой о контроле за состоянием церковных сооружений в регионах, в которых ГПЦ не может осуществлять свою пасторскую деятельность, что свидетельствует о недоверии в отношении политики РПЦ.

Адвокаты России

Некоторые грузинские фонды и неправительственные организации служат в качестве каналов коммуникации между двумя странами, восполняя таким образом дефицит официальных дипломатических контактов. Отправной точкой их дискурса является признание того, что использование Россией военной силы в августе 2008 года было вынужденным ответом на враждебные действия Тбилиси; соответственно, Грузия могла бы вернуть потерянные территории при условии прекращения анти-российской политики, чему способствовал уход с президентского поста М. Саакашвили. К этому добавляется тезис о том, что Евразия представляет собой экономически растущий регион, который не сводится исключительно к России и который может стать связующим звеном между РФ и ЕС. Такую позицию, в частности, отстаивают «Общество Ираклия Второго» и «Евразийский выбор – Грузия», организации, симпатизирующие как доктрине евразийства, так и концепции «русского мира». Они исходят из «естественной» зависимости Грузии от России; стратегия же европеизации в рамках этого дискурса воспринимается как красивая утопия.

Ограничения российской «мягкой силы»

Хотя по каждому из названных выше направлений Россия имеет шансы на использование «мягкой силы», это влияние встречает ряд ограничений. Во-первых, российская «мягкая сила» тесно переплетена с «жесткой силой» и фактически неотделима от нее. Например, передвижение демаркационной линии между Грузией и Южной Осетией на 2 км вглубь грузинской территории в июле 2015 года вызвало острую реакцию в грузинском обществе и радикализовало общественное мнение в отношении России, что усложнило тот фон, на котором осуществляется «мягкая сила». Россия инвестирует ресурсы в поддержание привлекательности своего политического имиджа в Грузии, однако эти усилия сходят на нет в силу постоянно сохраняющейся перспективы возврата к силовой политике.

Во-вторых, сама идея «мягкой силы» воспринимается некоторыми грузинскими экспертами как продолжение имперской политики контроля России над соседними территориями. Благодаря этому Россия видится как страна, которая прагматически использует внутренние дебаты в Грузии и эксплуатирует нежелание Запада вступать в серьезную конфронтацию с Москвой.

В-третьих, с точки зрения обеспеченности ресурсами, профессионализма и развитости инфраструктуры, российская «мягкая сила» очевидно проигрывает европейским и американским государственным и негосударственным акторам, которые последовательно – хотя и не беспорочно – развивают в Грузии стратегии институциональных, социальных и правовых реформ. Россия же работает преимущественно с теми группами в Грузии, которые имплицитно близки к российскому дискурсу – евроскептики, православные традиционалисты, адвокаты евразийства и пр.

Заключение

Российская «мягкая сила» является составной части политики безопасности России, и именно в таком качестве она и воспринимается в Грузии. Россия использует «мягкую силу» в стратегических целях своей региональной политики по делегитимации западных институтов, норм и практик, и убеждения грузинского общества в естественности роли России как главного гаранта региональной стабильности. В таком варианте «мягкая сила» направлена не на стимулирование перемен, а на получение политических преимуществ от евроскептических и консервативных настроений в грузинском обществе. Это и отличает российскую «мягкую силу» от западных аналогов, для которых транс-границный трансфер знаний и управленческих практик надлежащего управления и развитие демократических свобод являются ключевыми компонентами.

Статья написана по материалам серии интервью с грузинскими политическими, общественными и религиозными деятелями в июле – августе 2015 года в Тбилиси.

**Elliott School of
International Affairs**
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org